Неделя, 1985, нояб., № 45

Гость 13-й страницы

Выпуск 287-й

Кирилл ЛАВРОВ

Этим именем многое сказано. Все знают Лаврова как замечательного мастера сцены, любят его киногероев — Башкирцева, Синцова. В активе актера — образ великого Ленина, созданный в спектаклях Ленинградского академического Большого драматического театра. Сегодня депутат Верховного Совета СССР, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии и Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых Кирилл Юрьевич Лавров — гость нашей 13-й страницы.

— Кирилл Юрьевич, в нескольких пьесах и в кино вы выступили в роли Владимира Ильича. Это, несомненно, очень сложная, самая сложная ваша работа?

— Для меня как исполнителя формирование образа великого вождя началось в спектакле «Защитник Ульянов». Дальнейшее развитие он получил в фильмах «Доверие», «20 октября», в спектакле «Перечитывая заново». Если в «Защитнике Ульянове» Ленин — совсем молодой человек, правда, уже сумевший объединить разрозненные марксистские кружки в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», то в картине «Доверие» он — уже руководитель молодого Советского государства. Главным для меня всегда оставалось стремление постичь его внутренний мир, по возможности показать зрителям силу мышления этого великого человека.

А первая моя кинопроба на роль Владимира Ильича в фильме Рыбакова «В начале века» оказалась неудачной. Знаменитый гример Анджан сделал сложнейший пластический грим. Как ни странно, результат ожиданий не оправдал. Кроме того, появился целый ряд неудобств для актерского существования на съемочной площадке. Оказалось, что структуре моего лица нужен был минимальный грим. Театр допускает условность. И если актеру удается убедить зрителя внутренне построенной жизнью столь масштабного героя, показать его бесконечную человечность, то детали внешней непохожести отходят на второй план.

— Театральный Ленинград 1960-х годов, когда вы начали работать в БДТ, располагал созвездием корифеев драматической сцены: Черкасов, Николай Симонов, Рашевская, Скоробогатов, Полицеймако, Софронов, Лариков... Какое влияние оказало на вас их творчество?

— Видите ли, моя актерская судьба сложилась из многих профессий. Я был токарем, физкультурным руководителем, служил в летной эскадрилье; в армейской самодеятельности все и решилось в пользу театра. Первые навыки актерского искусства дал мне Киевский драматический театр имени Леси Украинки, режиссеры Константин Павлович Хохлов, Николай Алексеевич Соколов, Владимир Александрович Нелли и блистательная актерская труппа этого театра того времени. С 1955 года я актер БДТ. Знаменитых пушкинцев, некоторые фамилии вы сейчас назвали, на сцене мне доводилось видеть нечасто. Но все, что удавалось посмотреть, а также повседневное общение с нашими маститыми, их мастерство и сценический опыт я впитывал, как сухая губка. Ну, а приход в БДТ Георгия Александровича Товстоногова и первая обойма его спектаклей — «Сеньор Марио пишет комедию», «Океан», «Горе от ума» — всколыхнули всю труппу. Мы работали самозабвенно; от роли к роли я учился у этого выдающегося мастера. Его творческий почерк мне очень близок, не случайно мы вместе 30 лет.

— Как воспринимаете неудачи?

— Слабо сыгранные роли, естественно, радости не приносят. Но, если оценка твоего дела претенциозна и напрочь перечеркивает результат всей работы, с этим соглашаться трудно. Недавно в одной статье о моем Астрове из чеховского «Дяди Вани» было написано, что он похож на провинциального резонера... И все... Никакого разбора. Что полезного может почерпнуть актер из такой критики? Чехов говорил, что страдания надо выражать так, как они выражаются в жизни, то есть не ногами, не руками, а тоном, взглядом: не жестикуляцией, а грацией. Именно так я стараюсь играть Астрова. Не каждый сыгранный спектакль приносит удовлетворение, не каждый раз все одинаково получается. Чтобы передать настроение, характер чеховского персонажа, в день спектакля стараешься отключиться от всего постороннего, предельно настроиться на предстоящий спектакль. В житейских заботах это получается не всегда. Порой к премьере роль не совсем устоялась; она шлифуется с каждой репетицией, с каждым новым спектаклем. Вот и характер Астрова я играю еще недостаточно ровно. В этой связи хочу сказать, что больше всего доверяю советам режиссера и замечаниям своих сотоварищей.

— Легко или трудно работать с вами коллегам?

— Хочу верить, что нетрудно. Бывают сложные репетиции: понимаешь с полуслова все, о чем говорит режиссер, а роль не дается. Но трудности никогда не перекладываю на плечи партнеров. Причины неудачи ищу в себе и стремлюсь искоренить их в процессе работы. В живом контакте, в диалоге найти нить утраченного взаимопонимания, если оно утрачено.

— Ваши герои политрук Синцов и главный конструктор Башкирцев — золотой фонд советского кино. Как вы вспоминаете эти работы?

— Обе роли, Синцова и Башкирцева, мне бесконечно дороги. Задолго до съемок «Живых и мертвых» Константин Михайлович Симонов вошел в мою жизнь не просто как автор и как участник, очевидец великой народной войны. Все, о чем говорила его поэзия, было созвучно моей душевной волне. Мы, мальчишки военного времени, хотя и не всем пришлось воевать, прошли сквозь тяжести этих лихолетий. Все виденное и пережитое мною в годы войны было так свежо и так глубоко во мне, что образ Синцова я ощущал просто физически. Кстати, совпадение ли, судьба ли, но первой моей работой на сцене солдатского самодеятельного театра стала роль Боба Морфи в «Русском вопросе» Симонова. И поступая в театр, я читал симоновскую «Красную площадь»... Когда начали снимать фильм «Живые и мертвые», Симонов находился в курсе всех дел. Шли съемки в Калининской области. Вдруг ночью на поле, где вырыли окопы, появился военный газик. И из него вышел Константин Михайлович. В этот момент у меня создалось такое ощущение, что за лесом действительно враг, а Симонов — сейчас военный корреспондент...

Было много и других встреч. В первый мой приход к Симонову домой он усадил меня в своем кабинете, снял с полки несколько толстых папок, положил передо мной: «Читайте. Здесь найдете все, из чего вышли «Живые и мертвые». Потом он подарил мне две вкусные обкуренные трубки... А самая дорогая для меня реликвия — его фотография, которую Константин Михайлович проносил с собой почти всю войну. Он на ней написал: «Кириллу Лаврову от одного из военных корреспондентов с любовью. К. Симонов»... И была встреча, когда, похудевший, тяжело больной, он говорил мне: «Врачи, понимаешь, что-то крутят, а я должен знать, сколько мне осталось. Мне надо спланировать свои дела». Этот человек сыграл очень большую роль в моей судьбе.

— Теперь, пожалуйста, о Башкирцеве в фильме «Укрощение огня».

— Прочитав сценарий, я был буквально сражен этим характером. Роль-факел! Динамичный характер Башкирцева близок мне по духу. Пережить мысленно его жизнь, беззаветно посвященную большой работе, достижению огромной цели, мне было очень важно и как актеру, и как человеку. Фильм этот и роль давно завершены, но я по прежнему с повышенным интересом читаю все, что имеет отношение к космонавтике.

— Вы сказали: «Динамичный характер Башкирцева мне близок». Значит, вы — человек решительных действий? Или предварительного размышления?

— По правде говоря, я большой самоед. Часто сомневаюсь, ругаю себя. И, вероятно, люблю играть решительные характеры потому, что самому этого качества часто не хватает.

— Расскажите о своей депутатской деятельности.

— Как к депутату ко мне приходят многие и разные люди. Стараюсь быть всегда в курсе жизненных интересов своих избирателей. Чтобы моя депутатская работа приносила людям пользу. Делаю все, что в моих силах. В моем «хозяйстве» два района Ленинграда: Октябрьский и Ленинский.

На нашу встречу Лавров приехал с «Ленфильма», где снимался в кинокартине «Взрыв» по сценарию драматурга Кургатникова. Свободного времени у Кирилла Юрьевича было немного: вечером спектакль «Мещане». Мы вместе едем в БДТ. Знакомые ленинградские пейзажи — Кировский мост, Летний сад Лаврову, отличному автомобилисту, мои вопросы не мешают.

— В Ленинграде много чудесных мест. Где особенно любите побродить вы?

— В тех местах, что напоминают мою юность: в тех улочках и двориках, которые милы с давних пор,— Озерный переулок, Прудки. Люблю тихие набережные Невы, Васильевский остров, где стоят катера и лодки, покачиваясь на отголосках балтийской волны. Я здесь бывал мальчишкой. Здесь просыпается ностальгия по морю: ведь в свое время я поступал в мореходку.

— Актерская известность помогает Лаврову-водителю во взаимоотношениях с автоинспекцией?

— *(Смеется).* По-разному... Как-то ни за что получил прокол с милой улыбкой и словами: «По долгу службы, Кирилл Юрьевич!»

— Чему посвящаете свободное время?

— Его у меня, увы, совсем немного. А я человек увлекающийся. К примеру, занимался нумизматикой; приятно сидеть с увеличительным стеклом, рассматривать старинные монеты. Обожаю путешествовать, с радостью еду в любую дальнюю киноэкспедицию. Читатель я всеядный: нравятся Фицджеральд Скотт, Кобо Абэ, Белов, Астафьев, Распутин...

Разовый служебный пропуск приводит меня в артистическую Кирилла Юрьевича, где висит на стене портрет его друга, актера Ефима Копеляна. Но в комнате никого нет. Из красного уголка БДТ доносятся взволнованные голоса футбольных болельщиков. «Тьфу ты!» — слышу огорченный голос Лаврова, которому в этот момент гример наклеивает парик. Значит, в ворота «Зенита» забит гол.

— Кирилл Юрьевич, а ведь вы когда-то сами играли в ленинградском «Спартаке». Что, по-прежнему ваша душа болельщика принадлежит футболу?

— Да, но не одному футболу — вообще спорту. Люблю спорт за открытый темперамент. С наслаждением смотрю гимнастику, огромное удовольствие получаю от чтения шахматных отчетов, написанных подчас весьма остроумно. Общение с Анатолием Карповым всегда очень приятно. Его склад ума и хороший юмор очень мне импонируют. Периодически футбольная команда нашего театра встречается с командой журналистов газеты «Вечерний Ленинград». Вот и недавно они засылали гонцов: вызывают на очередной поединок. Теннис помогает мне «держать форму».

— В театр приходят молодые. Вам интересен процесс их становления на сложном актерском пути?

— Наша смена позволяет оптимистически смотреть на будущее театра. Юра Демич, Лена Попова, молодой Андрей Голубеев, Геннадий Богачев, Наташа Данилова — все несомненно способны. И не робкого десятка. Как говорится, люди с хребтом. В выбранной профессии они видят не только привлекательность, а осознают, что основа всему — труд. Их активность и работоспособность, неприятие нравственных компромиссов — качества, которые я уважаю.

— А что вам не нравится?

— Бестактное отношение к коллегам. Цинизм в работе.

— Если ваша дочь продолжит театральную династию Лавровых, как вы отреагируете?

— А Маша уже сделала этот шаг. В нынешнем году поступила в Ленинградский театральный институт. Профессия актера прекрасна. Но предугадать, как сложится судьба, чрезвычайно сложно даже человеку, поднаторевшему в педагогике. Многое зависит от коллектива, в который попадешь, от отношения к тебе руководителя. Иногда и талант невелик, но ему помогают раскрыться и развиться. Способности надо поддерживать и развивать. Я вижу и знаю, что у Маши есть собственный внутренний мир; это хорошо, без него на сцене нечего делать.

— Что хотели бы сыграть в ближайшее время?

— Года через два — Клаузена в драме Гауптмана «Перед заходом солнца».

— Вы ленинградец. Здесь дело, которому посвящена жизнь, здесь ваши родные, ваши избиратели. В чем видите вы свой долг перед родным городом?

— Всегда быть ленинградцем.

Гостя расспрашивала
Мария СМИРНОВА.
Сфотографировал гостя
с его дочерью Машей
А. Стельмах.